

ИЗ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДОНСКОЙ ГИДРОНИМИИ

(К вопросу о первичном звене в коррелятивной паре
Битюг // Битюг)

1

Одним из загадочных имен в гидронимии Дона является название его левого притока *Битюг*. В. А. Никонов справедливо отмечает, что «научное исследование гидронима не началось»¹. Научно не обоснована также и этимология омонимичного нарицательного имени, что затрудняет поиск топонимического этимона. Существующая в русском языке апеллативная параллель гидронима — название лошади-тяжеловоза — свидетельствует лишь о возможной связи между ними, ономасиологическая природа которой еще неясна. Характер этой связи может быть двояким — в зависимости от того, как решится вопрос о первичном звене в коррелятивной паре *Битюг // битюг*. Это отношение, во-первых, может быть представлено как процесс апеллативации гидронима, т. е. *Битюг₁ ≥ битюг₂*. В данном случае неизбежно встанет вопрос не только об этимологии собственного имени, но и о его апеллативном «субстрате», несущем информацию о природных свойствах объекта (обозначим этот неизвестный нам апеллативный предшественник собственного имени как *битюг_x*). Именно так (только без учета звена *битюг_x*) объясняется происхождение нарицательного имени *битюг* в большинстве работ, прямо или косвенно затрагивающих данный вопрос².

С другой стороны, возникновение коррелятивной пары могло явиться и результатом тононимизации абсолютного апеллатива —

¹ В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., 1966, стр. 56.

² Ср.: «Свое имя битюги получили от реки *Битюг* (Ф. Унтербергер. Известия из внутренних губерний России, преимущественно для любителей лошадей. Дерпт, 1854, стр. 97); «*Битюкские* лошади разведены Петром Великим по реке *Битюку*, от которой они и получили название» («Материалы для географии и статистики России, собр. офицерами Генерального штаба. Воронежская губерния». Сост. В. Михалевич. СПб., 1862, стр. 222); «*Битюки* или *битюги* получили свое название от реки *Битюга...*» (Лошади (конские породы), д-ра Леонида Симонова и Ивана Медера. Париж, 1895, стр. 72). На отгидронимическое происхождение наименования лошади указывают Даль (I², стр. 90), Горяев (стр. 18), Преображенский (стр. 27). Этой же точки зрения придерживаются Фасмер (I, стр. 169) и Н. М. Шанский («Этимологический словарь русского языка», т. I, вып. 2. М., 1965, стр. 126.).

названия лошади-тяжеловоза (*битюг₁* ≥ *Битюг₂*). Ср. аналогичные названия «анимального» ряда: *Жеребец*, *Конь-колодезь*, *Бахмут*, *Бык* и т. д. В этом случае решение ономасиологической проблемы сводится к поиску удовлетворительной этиологии отмеченного перехода, а этимология апеллатива (*битюг₁*) вызывает лишь периферийный интерес, хотя и дает часто необходимую в подобных случаях дотопонимическую ретроспективу смыслового развития имени.

Оба возможных подхода к решению вопроса о первичном звене в коррелятивной паре *битюг* // *Битюг* будут подробно рассмотрены ниже. Альтернативный характер предложенных ниже этимологий вызван проблематичностью этиологического критерия: одинаковая вероятность реализации разнохарактерных причин, или топонимических ситуаций, не позволяет безоговорочно опереться на одно из этимологических решений, не оговаривая его возможностью иного подхода. Сначала излагается более вероятная, с точки зрения автора, этимология гидронима и апеллатива, а затем уже допускаемое им другое толкование. Дальнейшее изучение гидронима, возможно, устранит часто неизбежный на начальном этапе плюрализм этимологических выводов относительно происхождения собственного имени (как, впрочем, и нарицательного).

2

Самая ранняя фиксация гидронима *Битюг* относится к XIV в. — в тексте «Хождения» Пимена в Царьград в 1389 г.: Таже минухомъ и Черленый Яръ рѣку, и *Бетюкъ* рѣку...³ Ср. более поздние примеры: О побієніи татаръ на *Бетюкѣ* (1450 г.)⁴; А ниже Икорца верст съ 60 пала въ Донъ рѣка *Бетюкъ*⁵ и др. По памятникам наибольшее распространение получил вариант *Битюк* или *Бетюк* (соответственно форма прилагательного — *битюцкий*, ср. *Бетюцкая* вотчина — одна из откупных вотчин в южной части Воронежского края, существовавшая уже в 1615 г.⁶ Эта форма — единственная в пространном описании долины р. *Битюг*, сделанном в 1685 г. И. Жолобовым⁷. Однако уже с начала XVIII в. все чаще появляется вариант *Битюг*, в котором конечное *г* — результат гиперкорректного замещения в косвенных падежах конечного *к*: *Битюк* // *Битюга* и т. д., что

³ «Хождение Пименово во Царьград». — «Записки имп. Русского географического общества», кн. VI, 1852, стр. 61.

⁴ «Полное собрание русских летописей», т. VIII. Воскресенская летопись по списку XVI в. СПб., 1859, стр. 123. В этом же списке отмечена форма косвенного падежа — на *Бетюковѣ* рѣцѣ, свидетельствующая о существовании в XVI в. также основы с суффиксальным распространением *-ов-* (если только здесь не флексия *-овъ*, проникшая из другого типа склонения).

⁵ «Книга Большому Чертежу», изд. 2. СПб., 1838, стр. 47.

⁶ Л. Б. В е й с б е р г. Очерк сельскохозяйственной промышленности Воронежской губернии, вып. I (XVI—XVIII вв.). Воронеж, 1890, стр. 31.

⁷ ЦГАДА, ф. 210, Дела разных городов, ед. хр. 68, л. 75—121.

в дальнейшем привело к орфографическому выравниванию и в форме именительного падежа. Ср.: . . . послан на *Битюк*; но: по реке *Битюгу* (1708 г.), до *Битюга*, на *Битюге* и т. д.⁸ В «Походном журнале» Петра I (1696 г.) встречается вариант *Метюк*: речка *Метюк* (в журнале 1698—1699 гг. — *Битюк*)⁹.

В настоящее время общепринятой нормой считается написание гидронима в форме *Битюг* (соответствующее прилагательное — *битюжский*, ср. *Прибитюжский край*¹⁰).

Прежде чем перейти к рассмотрению названия, несколько слов о некоторых, на наш взгляд, существенных для номинации естественно-географических свойствах самого объекта. «В верхнем течении оба берега (*Битюга*. — *E. O.*) имеют одинаковую высоту. От с. Мечетки до устья правый берег высокий и крутой, левый — более пологий и песчаный»¹¹. Крутизна правого берега — одна из наиболее характерных особенностей реки, и эту реалию могло отразить ее название. Гидроним *Битюк*, по-видимому, представляет собой один из фонетических вариантов широко распространенного в тюркских языках прилагательного со значением ‘высокий’, образованного ‘от глагольной основы *пäдү-* // *бии-* // *бүйи-* // *бүйүй-* // *бейү-* // *беди-* путем прибавления к ней аффикса *-къ*¹². Особенно близки к нему архаичные формы *пäдүк* // *бадүк* ‘высокий, великий’¹³. На большую древность первой формы указывает и глухой начальный *n*, на месте которого современные тюркские языки имеют звонкий смычный (ср. еще соответствия *пäш*//*баш* ‘пять’, *пoui*//*бои* ‘тело, туловище’ и т. д.). Соответствие *đ/m*//*й* внутри глагольной основы в тюркских языках свидетельствует

⁸ Сб. документов «Булавинское восстание». М., 1935, стр. 190, 191, 310 и др.

⁹ См.: «Походный журнал 1699 г.» СПб., 1853, стр. 2; «Походный журнал 1698—1699 гг.». СПб., 1910, стр. 2. — Не сохранился ли след этого произносительного варианта в этнографизме *митюк* ‘войлочный потник у донских казаков?’ (см.: В. Броневский. Описание донской земли, ч. III—IV. СПб., 1834, стр. 177; Даль² II, стр. 330).

¹⁰ «Статистико-экономический словарь Воронежской губернии (период дореволюционный)». Воронеж, 1921, стр. 32. — Следует учесть и морфологическое варьирование основ прилагательных, образованных от гидронима и апеллativa. С одной стороны, *Битюцкий* // *Битюжский*, с другой — *битюговый* — *битюжий* // *битюковый* — *битючий* (у В. Маяковского).

¹¹ А. Ф. Самохин. Река Дон и ее притоки. Ростов, 1958, стр. 66. См. еще: «Материалы для географии и статистики России, собр. офицерами Генерального штаба. Воронежская губерния». Сост. В. Михалевич. СПб., 1862, стр. 32.

¹² Ф. Г. Исааков. Наблюдения по лексике в области прилагательных в тюркских языках. — «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 224.

¹³ См.: В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. IV. СПб., 1911, стр. 1623; С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 369. Здесь же приводятся и другие суффиксальные распространения корня *бадү-* ‘возвышаться’, ‘увеличиваться’, ‘подниматься’: *бадүклүк* ‘величие’, *бадүт* ‘возвышать’ и т. д.

о различной степени приближения их к фонетической структуре трехзвучного древнетюркского корня — с ∂/m вместо $\bar{\eta}$ в исторически более поздних образованиях. Все это говорит об архаичности формы гидронима *Битюк*. Создателями его могли быть, по-видимому, обитавшие на Дону в IV—X вв. племена, говорившие на древних диалектах булгарской группы языков. Хотя в фонетической структуре хазарского языка, как одного из представителей западнохунинской ветви тюркских языков, и отразилось своеобразное им замещение $\partial/m > \bar{\eta}$ (ср. сохранившееся хазарское собственное имя *Буйук* $<\text{nädük}>$ ¹⁴), однако в нем могла остаться частично обновленная древняя форма с переходом — через ряд промежуточных ступеней — глухого начального *n* в звонкий *b*, особенно, если этому сопутствовала какая-то смысловая дифференциация этих форм. Очень показательный в этом отношении пример приводит Н. А. Баскаков. «. . . Соответствие $p \sim z/c/\partial/m//\bar{\eta}$, — пишет он, — характерно не только для разных групп языков, но и для хронологически различных слоев лексики одного и того же языка, ср., например, *айак* 'чаша' ('конечности', 'конец', 'нога' в других языках) и *адак* 'последний', 'последыш' — в алтайском языке (где чередуются ∂ — $\bar{\eta}$)»¹⁵. Срединный звук ∂/m вместо позднейшего $\bar{\eta}$ мог быть отголоском древнеалтайского фонетического состояния корня (известно, что появившиеся в степях Восточной Европы кочевники, перенявшие впоследствии этоним *хазары*, по происхождению были алтайскими тюрками).

О древнетюркском этносе на берегах Битюга свидетельствуют и встречающиеся в прошлом веке на прибитюжских курганах каменные бабы, относящиеся к языческой эпохе, так как «учение Магомета не терпит никаких изображений»¹⁶. Гидроним *Битюк* (*Бетюк*) стал известен славянам, по-видимому, до второй волны колонизации Подонья — в период, когда восточнославянские племена среднего Дона контактировали с хазарами¹⁷. «Судя по архео-

¹⁴ В настоящее время форма интересующего нас прилагательного с ∂ сохраняется лишь в восточной ветви тюркских языков. Ср. тувинск. *бедик* (с озвонченным начальным *n*) в значении 'высокий'. Частичная консервация древнетюркского звукового облика гидронима (отсутствие замещения $\partial/m > \bar{\eta}$ при позднейшем озвончении начального *n*), по-видимому, вызвана, с одной стороны, известной автономией собственного имени по отношению к звуковым процессам в апеллативной лексике, а с другой стороны — все же возможностью непоследовательного и частичного отражения в ономастиконе этих перемен.

¹⁵ Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, стр. 152.

¹⁶ «Дон и его притоки». Воронеж, 1891 г., стр. 66 (перевод Л. Б. Вейнберга фрагментов книги И. Штуценберга *Hydrographie des Russischen Reiches*).

¹⁷ Г. Е. Корнилов допускает древнебулгарское происхождение[—] и таких гидронимов, как *Савала* (*Савал*, *Сувола*) и *Ворона* (оба в бассейне р. Хопер). Последнее название, по его мнению, «может быть результатом контаминации древнерусской формы от *vorna с болг. *varan (чуинск. *вар*, чуваш. *вар*,

логическим данным, — пишут исследовавшие вопрос о древнерусском населении Подонья археологи П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, — в VIII—X вв., когда хазарам удалось подчинить своей власти ряд русских племен... передовые хазарские укрепления почти непосредственно примыкали к землям славян. В бассейне Дона хазарские поселения известны от верховьев Донца, где находится известное Салтовское городище, на восток к Осколу и далее в направлении Маяцкого городища, расположенного на Дону при впадении в него Тихой Сосны — приблизительно в 75 км к югу от г. Воронежа (...). На Дону замечательное Маяцкое городище следует считать самым северным из известных здесь больших укрепленных пунктов, принадлежащим хазарам»¹⁸. Таким образом, восприемниками хазарской гидронимии Подонья могли быть прежде всего северяне и, очевидно, вятичи, которые, по мнению А. А. Шахматова, заселяли верхний Дон¹⁹.

Гидроним *Битюк* не уникален. Один из главных истоков стекающей с Эльбруса реки Уллу-Хурзик (правого притока р. Уллу-Кам) носит название *Битюк-Тюбе*²⁰ (букв. ‘высокая гора’). В связи с вышеизложенным заслуживает внимания наблюдение Г. К. Конкашпаева над употреблением в качестве номенклатурного термина казахского субстантивированного прилагательного *биик* ‘высокий’. «Казахи, — отмечает он, — всякую возвышенность называют *биик*, независимо от ее размеров»²¹. Таким образом, можно сделать вывод об оронимической природе первичного собственного имени *Битюг*, которое затем, вследствие переноса по смежности, распространилось и на реку. О. Н. Трубачев в топонимии юга европейской части СССР приводит интересные факты более позднего отражения интересующего нас тюркского прилагательного — уже с замещением древних *ð/t* на *й* и с семантическим сдвигом ‘высокий’>‘большой’: название пригорода г. Кишинева *Буюканы*, особенно любопытен гидроним *Бык* (приток нижнего Днестра) <*büyük* ‘большой’ (продукт «народной этимологии») и его пр. приток *Буюканский* — вторичное и третичное молдавское (-ан-) и славянское (-ск-) суффиксальное дооформление тюркской

вазан) ‘долина, река, дол’ (Г. Е. Корнилов. Т’ил’э орман-Лисий лес. — «Изучение географических названий»=«Вопросы географии», сб. 70. М., 1966, стр. 163).

¹⁸ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. М.—Л., 1948, стр. 7.

¹⁹ А. А. Шахматов. Южные поселения вятичей. — «Изв. Академии наук», 1907, стр. 715 сл.

²⁰ Н. А. Буш. Ледники Западного Кавказа. — «Записки имп. Русского географического общества по общей географии», т. XXXII, № 4. СПб., 1905, стр. 90.

²¹ Г. К. Конкашпаев. Казахские народные географические термины. — «Изв. АН Казах. ССР», № 99. Серия географическая, вып. 3. Алма-Ата, 1951, стр. 10.

адъективной основы²². Выяснив этимологию и характер взаимоотношений первых двух элементов в формуле $\text{битюг}_x \geqslant \text{Битюг}_1 \geqslant \text{битюг}_2$, остановимся на условиях перехода собственного имени в нарицательное — апеллативации гидронима. Как уже отмечалось, многие исследователи уверенно пишут о возможности такого перехода. Недостает только фактов, подкрепляющих эту гипотезу. Вопрос заключается в том, может ли какое-либо существо, обитающее вблизи или внутри данного географического объекта, получить имя этого объекта без соответствующего суффиксального дооформления его (ср. овца *битюцкая*, *донской* рыбак и т. д.). Примеров, подтверждающих такой ономасиологический узус, немного, но все они имеют доказательную силу. Так, на севере А. Грандилевским отмечена «многоименность» рыбы семги — в зависимости от места ее улова: *двинка* (*двинская*), *кандалакша* (*кандалакская*), *мезень* (*мезенская*), *печера* (*печерская*), *кола* (*кольская*), *поньгама* (*поньгамская*), *умба* (*умбская*)²³. В прошлом веке форель, вылавливаемая из реки Лошок, местными жителями аналогично именовалась *лошок*²⁴. Ср. еще название рыбы семейства карловых — *амур* (или *белый*, реже — *черный амур*), распространенной в реке Амуре и его притоках и т. д.

В антропонимии известны случаи возникновения прозвищ, точно повторяющих форму топонима. Ср., например, в памятниках XVII—XVIII вв.: Иван *Самара* (1637 г.), Ивашка *Сал* (1647 г.), Андрей *Охтирка* (1745 г.), Иван *Бахмут* (1785 г.) и т. д. Все эти вторые личные имена — абсолютные тононимы в антропонимической функции — характеризовали их владельцев относительно той местности, откуда они родом или откуда они пришли на новое поселение. С течением времени, став «главным членом в наименовании лица»²⁵ и утратив причинную зависимость, они преобразовались в фамилии (ср. распространенные в Северном Приазовье современные фамилии *Кальмус*, *Еланчик*, *Янчур*, *Ингул* и т. д.) или пополнили именослов данного языка уже ничем не детерминированными словами-этикетками, выбор которых определяется только личным вкусом и модой.

Носителем такого суффиксально непереоформленного, абсолютного топонима в антропонимической функции в редких случаях может быть и целый коллектив переселенцев. Ср. хутор *Хопры* (параллельная форма — *Хоперский*) в б. Черкасском округе, на правом берегу Мертвого Донца (сейчас — железнодорожная стан-

²² О. Н. Трубачев. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968, стр. 194 и 250.

²³ А. Грандилевский. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор. — Сб. ОРЯС, т. LXXXIII, № 5, СПб., 1907, стр. 267.

²⁴ А. Н. Минх. Замедведицкий край до р. Карамыша. — «Труды Саратовской ученой архивной комиссии», т. I, вып. 3. 1889, стр. 279.

²⁵ Г. Я. Симина. Фамилия и прозвище. — «Ономастика». М. 1969, стр. 30.

ция Хопры), который был основан в 1740 г. казаками, выходцами из Новохоперской крепости — «с Хопра»^{25а}. В первичне фамилий первых переселенцев антропоним Хопер не значится. Он возникает как общее прозвище хуторян, данное им жителями соседних поселений. В данном случае типизирующее значение формы множественного числа антропонима совпало с топонимической функцией окончания -ы (-и). По-видимому, такого же происхождения и повторяющийся на Украине ойконим Самары (pl.): например, с. Самары — в Ратневском р-не Волынской обл., в Чернухинском и Шишацком р-нах Полтавской обл., с. Самары-Ореховые (*Самари-Оріхові*) — в Ратневском р-не Волынской обл. Ср. личное имя Самара (Иван Самара^{25б}); уличная кличка Самарі, распространенная в с. Воскресенка Великоновоселковского р-на Донецкой обл. (ее носители, вероятно, имели предка, переселившегося с берегов близкой Самары, или Самари). Ср. еще с. Кременчуки в Красилевском р-не Хмельницкой обл. (<антропоним Кременчук(i)<ойконим Кременчук).

Архаичная форма прилагательного байдук отразилась и в тюркской антропонимии. В памятниках русского языка она встречается как имя крымских татар и ногайцев, языки которых в соответствующем апеллативе отразили замещение *ð/m>й* (ср. крымско-татарск. буюк, ногайск. бийик). Так, среди крымских татар, возвращенных великим князем московским послу Менгли-Гирея «Янчюю дувану с товарищи» в 1515 г., был и татарин Бетюк²⁶. Ср. еще: да, говорил государь, мне Бетюка (1516 г.); а с ним пристав мой Бетюка (1516 г.); посыает царь к Ивану Бетюку; и соромотил его в том Бетюка (1518 г.)²⁷; да Бетюком зовут паробок мой (1516 г.)²⁸. Битяк — мурза Адрахманов назван в тексте 1542 г. в «Летописце начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича» в числе «людей крымских», пришедших «на Рязанские места», «к Николе Заразскому»²⁹. Несомненно, в тюркском антропониме — в период его «молодости» — отразилось одно из значений прилагательного пайдук ('высокий', позже — 'большой'³⁰), а не омонимичный гидроним. Сложнее решить вопрос об ономасиологических истоках антропонима Бетюк (Битяг), носителями ко-

^{25а} И. Сулии. Материалы к истории заселения Черкасского округа. Сборник Областного Войска Донского статистического комитета, вып. 8. Новочеркасск, 1908, стр. 197.

^{25б} «Донские дела», I. СПб., 1893, стр. 551, 1637 г.

²⁶ «Памятники дипломатических сношений с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией», т. 2, СПб., 1895, стр. 220.

²⁷ Там же, т. I. СПб., 1894, стр. 270, 273, 275.

²⁸ Там же, т. 2, стр. 301.

²⁹ «Полное собрание русских летописей», т. XXIX. М., 1965, стр. 43. Это же лицо упоминается и в Александрово-Невской летописи (Там же, стр. 143).

³⁰ См.: Ф. Г. Исааков. Указ. соч., стр. 218—219.

торого являются донские казаки. Так, например, в одной из челобитных 1644 г. приводится полное имя «донского казака Оксенка Васильева сына Битюкова» (в другом месте — Оксенка *Битюков*)³¹, позволяющее реконструировать имя его отца — Василий *Битюк*. Ср. еще: донской казак, «отступник и еретик» *Битягов*³², Демьян *Битяговский* — в писцовой книге Алексинского у. Тульской губ. за 1684—1685 гг.³³ и др. Антропоним *Битюг* (*Битяг*) мог быть заимствован казаками от татар или ногайцев (турецкий этнический элемент, как известно, играл весьма существенную роль в жизни казачества) или же явился результатом отмеченной выше тенденции к антропонимизации абсолютных топонимов. Кроме того, он мог возникнуть из клички — как следствие переносного употребления appellativa с пейоративным значением³⁴.

3

Допускаемый выше ономасиологический сдвиг *битюг*₁ ≥ *Битюг*₂ помещает гидроним в «анимальный» ряд речных названий с непереоформленной appellativной основой (*Жеребец*, *Бык*, *Бобр*, *Волк* и др.), точнее — в ту его разновидность, которая содержит названия со смысловой доминантой ‘домашняя лошадь’. О возможной причине появления гидронимов типа *Конь* и их вторичных «синонимичных» распространителей нам уже приходилось писать раньше³⁵. Сложившийся узус называния в бассейне

³¹ «Донские дела», кн. 2. СПб., 1906, стр. 598, 601.

³² См.: «История или Повествование о донских казаках, собранная и составленная чрез труды инженер-генерал-майора и кавалера Александра Ригельмана». — «Чтения ОИДР», № 4. М., 1846, стр. 136.

³³ «Груды Тульской ученой архивной комиссии», т. I. Тула, 1915, стр. 459.

³⁴ Такое употребление слова *битюг* (*битюк*) для обозначения угрюмого, неповоротливого или апатичного человека фиксируется в русских говорах (см.: «Словарь русских народных говоров», вып. 2. М.—Л., 1966, стр. 303). Ср. аналогичное употребление (в рязанских и др. говорах) слова *аргамак* (по отношению к женщине — *аргамачиха*), приведшее к появлению фамилии *Аргамаковы* (М. Макаров. Опыт русского простонародного словотолковника. — «Чтения ОИДР», № 3, М., 1846, стр. 38).

Редким случаем ономастической иррадиации следует признать название бота «Битюг», участовавшего в боевых действиях русского флота против турок на Черном море (см. об этом в ордере князя Прозоровского капитану Карташеву от 5 апреля 1777 г., опубл. в кн.: Н. Дубровин. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма и донесения, т. I. СПб., 1885, стр. 531). О том, что перед нами перенос гидронима на созданный руками человека предмет, но не appellativa с переносным значением ‘сильное, выносливое существо’, свидетельствуют другие названия кораблей, адекватные соответствующим гидронимам: бот «Миос» (Там же, стр. 613), пакетбот «Битюг», бот «Хопер», бот «Елан» (Там же, т. IV, стр. 632, 692—693), пакетбот «Хопер» (Там же, т. II, стр. 690) и др., отразившие донской период строительства русского военно-морского флота при Петре I.

³⁵ См.: Е. С. Отина. К этимологии названий некоторых рек «анималистского» происхождения. — «Повідомлення Української ономастичної комісії», вып. 2. Київ, 1967, стр. 13—27.

Дона — использование наименований лошади в качестве речных названий как результат ложноэтимологического переосмысления славянами среднеиранского термина *kon* (*xon*) — мог совпасть с возникновением эндемичной породы домашней лошади в районе среднего Дона, в силу чего название этой лошади закрепляется за самой рекой. Что же это была за лошадь и какие были основания назвать ее таким именем?

Принято считать, что битюг возник в конце XVIII в. в результате скрещения местной породы лошадей с голландскими жеребцами, присланными на Дон Петром I (впоследствии, после образования Хреновского завода, эта порода была улучшена путем скрещения с орловскими жеребцами)³⁶. Исчезнувшие сейчас битюги отличались высоким ростом — до 170 см в холке, т. е. приближались к самой высокой в XVIII в. упряженной лошади — неаполитанской (*consieri*), широко распространенной в этот период в России³⁷. Легенда об участии Петра I в выведении данной породы лошадей упряженного типа не подтверждается документально³⁸. Особенно показательно полное отсутствие в русской гипнологической литературе XVIII в. каких-либо упоминаний о голландских лошадях, якобы присланных Петром I на р. Битюг. Есть основания считать, что порода эта сложилась в данной местности задолго до Петровского времени, чему способствовали благоприятные природные условия Прибитюжья, главным образом его богатые пастбища. Именно здесь туземное население воспитало эту рослую лошадь тяжеловозного типа. Долина р. Битюг издавна, еще в эпоху бронзы, была «местом обитания оседлых земледельческо-скотоводческих племен»; это был район, охваченный «широкими межплеменными связями»³⁹. «Благоприятные естественно-географические условия (леса и воды с обилием дичи и рыбы) в глубокой древности привлекали сюда людей, свидетельством чего являются многочисленные древние поселения и курганы»⁴⁰. Памятники скиф-

³⁶ См.: Лошади (Конские породы), д-ра Л. Симонова и И. Медера, стр. 72; «Статистико-экономический словарь Воронежской губернии (период дореволюционный)», стр. 30; П. Н. Кулешов. Рабочая лошадь. М., 1926, стр. 13; БСЭ, изд. 2, т. 5, стр. 263.

³⁷ В. О. Витт. Из истории русского коннозаводства. М., 1952, стр. 12.—Позднейшие скрещивания битюков с другими тяжеловесными породами привели к их полному исчезновению. Уже в XIX в. под именем битюков (битюгов) были известны «только более облагороженные формы обыкновенной крестьянской породы: они рослее, голова у них суще, шея длиннее» и т. д. («Конская перепись 1882 года». СПб., 1884, стр. 22). В настоящее время словом битюг часто называют лошадей любых тяжеловесных пород. Ср. в современной корреспонденции из Канады: По узкой просеке движутся подводы с запряженными в них парами битюгами («Правда», 30 марта 1969 г.).

³⁸ М. И. Придорогин. Конские породы. М., 1928, стр. 236.

³⁹ Г. И. Корнишин. Археологические памятники в Аннинском районе Воронежской области (материалы к археологической карте). В кн.: П. Д. Либеров. Племена среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964, стр. 188.

⁴⁰ Там же, стр. 174.

ского времени сменяются здесь материальными остатками поселений оседлых племен Боршевской культуры (VI—VII вв. н. э.), а затем и славянских селищ домонгольской эпохи⁴¹.

Как показывают археологические раскопки, уже в глубокой древности Прибитюжье было районом интенсивного земледелия и скотоводства и, что для нас особенно важно, «ни в одном районе лесостепи западных областей в эту эпоху (раннего железа. — E. O.) лошадь не составляла такого высокого процента в стаде домашних животных», как здесь⁴².

Вполне закономерно, что выращенная в пойме р. Битюг рослая тяжеловесная лошадь получила имя, являющееся по происхождению субстантивированной формой архаического тюркского прилагательного, вначале выполнившего роль дифференцирующего определения к общетюркскому слову *at* 'лошадь' (ср. маньч. *tubčak* 'крупная лошадь из западных областей' < <*topčak *at* 'арабская лошадь'; туркм. *čöl atı* букв. 'степная лошадь', т. е. зебра; в памятниках древнетюркского письма: *tosun* 'норовистая молодая лошадь' <*tosun at, ср. *tosun* 'упрямый, норовистый'⁴³; *taz at* букв. 'пегий конь' — у Махмута Кашгарского⁴⁴ и т. д. Тюркские языки изобилуют названиями лошадей, в основу которых положены их внешние признаки. Часть этих названий распространена повсеместно, другие представляют собой слабо распространенные локальные образования. Именно таким местным гипнологическим термином, по-видимому, было слово *битюк*, заимствованное позже славянами, еще в домонгольскую эпоху соседствовавшими на среднем Дону со скотоводческими тюркскими племенами⁴⁵. Не исключено, что на протяжении какого-то времени это тюркское прилагательное — название возв-

⁴¹ Там же, стр. 189; П. Д. Либров. Памятники скифского времени на Среднем Дону. М., 1965 (схема расположения памятников скифского времени в бассейне среднего Дона по сведениям на 1963 г.).

⁴² П. Д. Либров. Памятники скифского времени..., стр. 33. — Очень примечательна в этом отношении приведенная на стр. 34 сводная таблица остеологического материала с городищ и поселений: после костей крупного рогатого скота второе место по числу находок занимают кости лошади.

⁴³ А. М. Щербак. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. — «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 83, 86.

⁴⁴ Ср.: *taz at tovarčy bołmas* 'пегий конь не годится для перевозки грузов', (B. Atalay. Divanü lugat-ı-türk, III, Ankara, 1943, стр. 149).

⁴⁵ Общеизвестна роль тюркско-монгольского элемента в формировании русской коневодческой терминологии. Ср. *бахмат* || *пахмат* || *бахмут* || *пахмут*; *мерин* < монг. *морь*, др.-монг. *morin*, калм. *mörin* 'конь' (см.: Ю. В. Откупщикова. Из истории индоевропейского словаобразования. Л., 1967, стр. 209); *кляча* < др.-турк. *ikilac* 'быстроходная лошадь' (А. М. Щербак. Указ. соч., стр. 86; здесь же возражение против этимологии А. Преображенского — из др.-русск. *克莱чи* 'падать на колени') и др. Ср. еще тюркские по происхождению названия конских мастей *каурый*, *буланый* и др., которых в прошлом было еще больше. Так, в одном из реестров 1749 г. мы находим неизвестные теперь обозначения: «отняли

никшей в данном районе высокорослой породы лошадей — имело прозрачный смысл для двухязычных индивидов.

Легший в основу номинации внешний признак битюков — их высокий рост — мог сыграть дифференцирующую роль на фоне невысоких тарпанов — широко распространенных вплоть до XVIII в. в донских степях диких лошадей (примерно 1,35 м высоты). Малорослые и средние по росту лошади (от 128 до 144 см), судя по остеологическому материалу, относящемуся к скифо-сарматской эпохе, были преобладающим типом лошадей «не только для Северного Причерноморья... но и для многих других территорий Восточной Европы как в раннем железном веке, так и в средневековые»⁴⁶. Напротив, «лошадь из славянских городищ (верхнего и среднего Дона.— *E. O.*) в среднем крупнее, метаподии и, особенно, фаланги пальцев у нее длиннее, что указывает на ее большую длинноногость»⁴⁷.

Таким образом, в ситуации $\text{битюг}_1 \geqslant \text{Битюг}_2$ возникновение омонимичного гидронима следует рассматривать как частное проявление сложившейся в результате более ранних славяно-скифских языковых контактов ономасиологической тенденции к наименованию водных объектов словом *Конь* (из среднеиранского *kon* ‘колодец; небольшая водная артерия’) и его синонимичными распространителями (ср. другие гидронимы в бассейне Дона: *Конь-колодезь, Жеребец, Бахмут.*)

Это второе этимологическое решение вопроса о первичном звене в коррелятивной паре *битюг*//*Битюг* представляется нам менее вероятным, чем изложенное вначале, но допущение такого развития на данном этапе изучения гидронима не может быть полностью исключено. Поэтому оно рассматривается нами лишь в качестве «запасной» рабочей гипотезы, судьбу которой определят дальнейшие разыскания⁴⁸.

трехъ добрыхъ коней, одинъ шерсти сивої, второй чактанъ, третий чапътанъ кашка» (Д. И. Эварниций. Сборник материалов для истории запорожских казаков. СПб., 1888, стр. 33). Особенно много тюркизмов еще в прошлом веке отмечалось в языке конских барышников.

⁴⁶ В. И. Чаликян. Фауна Танаиса. — «Античные древности Подонья-Приазовья». М., 1969, стр. 282; см.: Он же. Домашние и дикие животные Северного Приазовья в эпоху раннего железа. — МИА, № 53, 1960.

⁴⁷ В. И. Громова. Остатки млекопитающих в раннеславянских городищ вблизи г. Воронежа (статья опубликована в качестве приложения в кн.: П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. М.—Л., 1948, стр. 119).

⁴⁸ Так, возможна и другая ономасиологическая ретроспектива топонима *Битюк*:

гидроним	<i>Битюг</i>
этноним	<i>битюг</i>
апеллативная стадия слова	<div style="display: flex; align-items: center;">битюг (универбализированное ↑ название коня)битюг (из терминологизированного ↑ словосочетания <i>бадүк//пәдүк</i> + <i>ам</i>)битюг (из <i>бадүк//пәдүк</i> 'высокий, рослый')</div>

В заключение заметим, что в ряде работ прошлого и начала нашего века содержатся попытки найти топонимический этимон названия *Битюг*, но основываются они на случайных звуковых сближениях с некоторыми омонимичными или паронимичными словами тюркских языков. Так, А. Щекатов производил гидроним от соответствующего «ногайского слова *бэтэк*» — ‘письмо’, ‘написанное’, ‘надпись’⁴⁹; В. Михалевич полагал, что *Битюк* — «название татарское, в русском переводе — ‘вошь’»⁵⁰. А. Орлов рассматривал гидроним в одном ряду с названиями, имеющими исходы -га и -га (Выг, Юг, Кичуг, Буг, Свага, Идолга и др.), не замечая их гетерогенного характера⁵¹. Все эти толкования не имеют научного значения и вызывают интерес лишь как ранние подступы к раскрытию этимологии гидронима.

В этой схеме новым является этонимическое звено в развитии имени. Известно, что родо-племенные тюркские названия нередко возникали от названий коней, от их масти по признаку ‘орда, имеющая коней той или иной масти’ и т. д. (A. Zajączkowski. Związki językowe połowiecko-słowiańskie. Wrocław, 1949, стр. 33). Поэтому гидроним *Битюг* мог возникнуть как следствие переноса на реку соответствующего этонима (иррадиации этонима).

⁴⁹ См.: «Географический словарь Тамбовской губернии в конце XVIII и в начале XIX столетий. Составлен по Географическому словарю Российского государства, изданному Львом Максимовичем и Афанасием Щекатовым». Тамбов, 1902, стр. 1.

⁵⁰ «Материалы для географии и статистики России, собр. офицерами Генерального штаба. Воронежская губерния», сост. В. Михалевич, стр. 32. Тюркизм *битюк* (*битобък*) ‘вошь’ известен и в некоторых русских говорах (см.: «Словарь русских народных говоров», вып. 2. М.—Л., 1966, стр. 299, 303).

⁵¹ А. Орлов. Происхождение названий русских и некоторых западноевропейских рек, городов, племен и местностей. Вельск, 1907, стр. 6.